

БОЛЬШИЕ

КНИГИ

Джером Клапка
Джером

ТРОЕ В ЛОДКЕ,
НЕ СЧИТАЯ СОБАКИ

ЗАМЕТКИ
К НЕНАПИСАННОМУ
РОМАНУ

ТРОЕ
НА ЧЕТЫРЕХ
КОЛЕСАХ

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Д 40

Перевод с английского
Виктории Агаянц, Александры Глебовской, Михаила Донского,
Оксаны Кириченко, Александра Ливерганта, Эльги Линецкой

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Валерия Гореликова

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

© В. И. Агаянц, перевод, 2012
© А. В. Глебовская, перевод, 2022
© М. А. Донской (наследники), перевод, 2022
© О. М. Кириченко, перевод, 1995
© А. Я. Ливергант, перевод, 1995
© Э. Л. Линецкая (наследники), перевод, 2022
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2022
Издательство ИНОСТРАНКА®

ISBN 978-5-389-20761-5

**ТРОЕ В ЛОДКЕ,
НЕ СЧИТАЯ СОБАКИ**

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Главное достоинство нашей книги — это не ее литературный стиль и даже не изобилие содержащихся в ней разного рода полезных сведений, а ее правдивость. Страницы этой книги представляют собою беспристрастный отчет о действительно происшедших событиях. Работа автора свелась лишь к тому, чтобы несколько оживить повествование, но и за это он не требует себе особого вознаграждения. Джордж, Гаррис и Монморанси — отнюдь не поэтический идеал, но существа из плоти и крови, в особенности Джордж, который весит около 170 фунтов. Быть может, другие труды превосходят наш труд глубиной мысли и проникновением в природу человека; быть может, другие книги могут соперничать с нашей книгой оригинальностью и объемом. Но что касается безнадёжной, закоренелой правдивости, — ни одно вышедшее в свет до сего дня печатное произведение не может сравниться с этой повестью. Мы не сомневаемся, что упомянутое качество, более чем какое-либо другое, привлечет к нашему труду внимание серьезного читателя и повысит в его глазах ценность нашего поучительного рассказа.

Лондон. Август 1889 года

ГЛАВА I

Трое больных. — Немощи Джорджа и Гарриса. — Жертва ста семи смертельных недугов. — Спасительный рецепт. — Средство от болезни печени у детей. — Нам ясно, что мы переутомлены и нуждаемся в отдыхе. — Неделя в океанском просторе. — Джордж высказывается в пользу реки. — Монморанси выступает с протестом. — Предложение принято большинством трех против одного

Нас было четверо: Джордж, Уильям Сэмюел Гаррис, я и Монморанси. Мы сидели в моей комнате, курили и разговаривали о том, как плох каждый из нас, — плох, я, конечно, имею в виду в медицинском смысле.

Все мы чувствовали себя неважно, и это нас очень тревожило. Гаррис сказал, что *у него* бывают страшные приступы головокружения, во время которых он просто ничего не соображает; и тогда Джордж сказал, что у него тоже бывают приступы головокружения и он тоже ничего не соображает. Что касается меня, то у меня была не в порядке печень. Я знал, что у меня не в порядке именно печень, потому что на днях прочел рекламу патентованных пилюль от болезни печени, где перечислялись признаки, по которым человек может определить, что у него не в порядке печень. Все они были у меня налицо.

Странное дело: стоит мне прочесть объявление о каком-нибудь патентованном средстве, как я прихожу к выводу, что страдаю той самой болезнью, о которой идет речь, причем в наипоопаснейшей форме. Во всех случаях описываемые симптомы точно совпадают с моими ощущениями.

Как-то раз я зашел в библиотеку Британского музея¹, чтобы навести справку о средстве против пустячной болезни, которую

---

¹ *Британский музей* — основан в 1753 г. Включает в себя обширную библиотеку с читальным залом. — *Здесь и далее, кроме указанных особо, примеч. перев.*

я где-то подцепил, — кажется, сенной лихорадки. Я взял справочник и нашел там все, что мне было нужно; а потом от нечего делать начал перелистывать книгу, просматривая то, что там сказано о разных других болезнях. Я уже позабыл, в какой недуг я погрузился раньше всего, — знаю только, что это был какой-то ужасный бич рода человеческого, — и не успел я добраться до середины перечня «ранних симптомов», как стало очевидно, что эта болезнь гнездится во мне.

Несколько минут я сидел как громом пораженный; потом с безразличием отчаяния принялся переворачивать страницы дальше. Я добрался до холеры, прочел о ее признаках и установил, что у меня холера, что она мучает меня уже несколько месяцев, а я об этом и не подозревал. Мне стало любопытно: чем я еще болен? Я перешел к пляске святого Витта и выяснил, как и следовало ожидать, что ею я тоже страдаю; тут я заинтересовался этим медицинским феноменом и решил разобраться в нем досконально. Я начал прямо по алфавиту. Прочитал об анемии и убедился, что она у меня есть и что обострение должно наступить недели через две. Брайтовой болезнью, как я с облегчением установил, я страдал лишь в легкой форме, и, будь у меня она одна, я мог бы надеяться прожить еще несколько лет. Воспаление легких оказалось у меня с серьезными осложнениями, а грудная жаба была, судя по всему, врожденной. Так я добросовестно перебрал все буквы алфавита, и единственная болезнь, которой я у себя не обнаружил, была родильная горячка.

Вначале я даже обиделся: в этом было что-то оскорбительное. С чего это вдруг у меня нет родильной горячки? С чего это вдруг я ею обойден? Однако спустя несколько минут моя ненасытность была побеждена более достойными чувствами. Я стал утешать себя, что у меня есть все другие болезни, какие только знает медицина, устыдился своего эгоизма и решил обойтись без родильной горячки. Зато тифозная горячка совсем меня скрутила, и я этим удовлетворился, тем более что ящуром я страдал, очевидно, с детства. Ящуром книга заканчивалась, и я решил, что больше мне уж ничто не угрожает.

Я задумался. Я думал о том, какой интересный клинический случай я представляю собой, какой находкой я был бы для медицинского факультета. Студентам незачем было бы практиковаться в клиниках и участвовать во врачебных обходах, если бы у них был я. Я сам — целая клиника. Им нужно только совершить обход вокруг меня и сразу же отправляться за дипломами.

Тут мне стало любопытно, сколько я еще протяну. Я решил устроить себе врачебный осмотр. Я пощупал свой пульс. Сначала никакого пульса не было. Вдруг он появился. Я вынул часы и стал считать. Вышло сто сорок семь ударов в минуту. Я стал искать у себя сердце. Я его не нашел. Оно перестало биться. Поразмыслив, я пришел к заключению, что оно все-таки находится на своем месте и, видимо, бьется, только мне его не отыскать. Я постукал себя спереди, начиная от того места, которое я называю талией, до шеи, потом прошелся по обоим бокам с заходом на спину. Я не нашел ничего особенного. Я попробовал осмотреть свой язык. Я высунул язык как можно дальше и стал разглядывать его одним глазом, зажмурив другой. Мне удалось увидеть только самый кончик, и я преспел лишь в одном: утвердился в мысли, что у меня скарлатина.

Я вступил в этот читальный зал счастливым, здоровым человеком. Я выполз оттуда жалкой развалиной.

Я пошел к своему врачу. Он мой старый приятель; когда мне почудится, что я нездоров, он щупает у меня пульс, смотрит мой язык, разговаривает со мной о погоде — и все это бесплатно; я подумал, что теперь моя очередь оказать ему услугу. «Главное для врача — практика», — решил я. Вот он ее и получит. В моем лице он получит такую практику, какой ему не получить от тысячи семисот каких-нибудь заурядных пациентов, у которых не наберется и двух болезней на брата. Итак, я пошел прямо к нему, и он спросил:

— Ну, чем ты заболел?

Я сказал:

— Дружище, я не буду отнимать у тебя время рассказами о том, чем я заболел. Жизнь коротка, и ты можешь отойти в иной мир, прежде чем я окончу свою повесть. Лучше я расскажу тебе, чем я не заболел: у меня нет родильной горячки. Я не смогу тебе объяснить, почему у меня нет родильной горячки, но это факт. Все остальное у меня *есть*.

И я рассказал о том, как сделал свое открытие.

Тогда он задрал рубашку на моей груди, осмотрел меня, затем крепко стиснул мне запястье и вдруг, без всякого предупреждения, двинул меня в грудь, — по-моему, это просто свинство, — и вдобавок боднул головой в живот. Потом он сел, написал что-то на бумажке, сложил ее и отдал мне, и я ушел, спрятав в карман полученный рецепт.

Я не заглянул в него. Я направился в ближайшую аптеку и подал его аптекарю. Тот прочитал его и вернул мне.

Он сказал, что такого у себя не держит. Я спросил:

— Вы аптекарь?

Он сказал:

— Я аптекарь. Будь я сочетанием продуктовой лавки с семейным пансионом, я мог бы вам помочь. Но я только аптекарь.

Я прочитал рецепт. В нем значилось:

Бифштекс..... 1 фунт

Пиво..... 1 пинта

(принимать каждые 6 часов)

Прогулка десятимильная..... 1

(принимать по утрам)

Постель..... 1

(принимать вечером, ровно в 11 часов)

И брось забивать себе голову вещами, в которых ничего не смыслишь.

Я последовал этим предписаниям, что привело к счастливому (во всяком случае, для меня) исходу: моя жизнь была спасена, и я до сих пор жив.

Но вернемся к вышеупомянутой рекламе пилюль. В данном случае у меня были все признаки болезни печени (в этом нельзя было ошибиться), включая главный симптом: «апатия и непреодолимое отвращение ко всякого рода труду».

Как меня мучил этот недуг — невозможно описать. Я страдал им с колыбели. С тех пор как я пошел в школу, болезнь не отпускала меня почти ни на один день. Мои близкие не знали тогда, что это от печени. Теперь медицина сделала большие успехи, но тогда все это сваливали на лень.

— Как? Ты все еще валяешься в постели, ленивый чертенок! Живо вставай да займись делом! — говорили мне, не догадываясь конечно, что у меня больная печень.

И пилюль мне не давали; мне давали подзатыльники. И как это ни удивительно, подзатыльники часто меня вылечивали, во всяком случае — на время. Да что там говорить, один тогдашний подзатыльник сильнее действовал на мою печень и больше способствовал ускорению движений и незамедлительному выполнению всех дел, которые надлежало выполнить, чем целая коробочка пилюль в настоящее время.

Видите ли, нередко простые домашние средства более радикальны, чем всякие дорогие лекарства.

Так мы провели полчаса, расписывая друг другу наши болезни. Я изложил Джорджу и Уильяму Гаррису, как я себя чувствую, просыпаясь по утрам, а Уильям Гаррис рассказал нам, как он себя чувствует, ложась спать; а Джордж, стоя на коврике перед камином, с редкой выразительностью и подлинным актерским мастерством представил нам, как он себя чувствует ночью.

Джордж *воображает*, что он болен; но, уверяю вас, он здоров как бык.

Тут в дверь постучала миссис Попитс и осведомилась, не пора ли подавать ужин. Мы скорбно улыбнулись друг другу и сказали, что, пожалуй, попробуем что-нибудь проглотить. Гаррис высказался в том смысле, что если заморить червячка, то развитие болезни может несколько задержаться. И миссис Попитс внесла поднос, и мы поплелись к столу и принялись ковырять бифштексы с луком и пирог с ревенем.

Я, должно быть, уже совсем зачах, так как через каких-нибудь полчаса вовсе потерял интерес к еде, — этого еще со мной не случилось, — и даже не притронулся к сыру.

Выполнив таким образом свой долг, мы снова налили до краев стаканы, закурили трубки и возобновили разговор о плачевном состоянии нашего здоровья. Что, собственно, с нами творилось, определенно никто сказать не мог, но мы единодушно решили: что бы там ни было, все дело в переутомлении.

— Нам просто-напросто нужен отдых, — сказал Гаррис.

— Отдых и перемена обстановки, — добавил Джордж. — Умственное переутомление вызвало упадок деятельности всего организма. Перемена образа жизни и освобождение от необходимости думать восстановят психическое равновесие.

У Джорджа есть двоюродный брат, которого всякий раз, когда он попадает в полицейский участок, заносят в протокол как студента-медика; поэтому нет ничего удивительного, что на высказываниях Джорджа лежит печать семейной склонности к медицине.

Я согласился с Джорджем и сказал, что хорошо бы найти какой-нибудь уединенный, забытый уголок, вдали от суетного света, и помечтать недельку в сонных его закоулках — какую-нибудь заброшенную бухту, скрытую феями от шумной людской толпы, какое-нибудь орлиное гнездо на скале Времени, куда лишь едва-едва доносится гулкий прибор девятнадцатого века.

Гаррис сказал, что это будет смертная тоска. Он сказал, что отлично представляет себе уголок, который я имею в виду, — эту за-

холустную дыру, где укладываются спать в восемь часов вечера, и где ни за какие деньги не раздобудешь «Спортивный листок», и где надо прошагать добрых десять миль, чтобы разжиться пачкой табака.

— Нет, — сказал Гаррис, — если уж нам нужны отдых и перемена обстановки, то лучше всего прогулка по морю.

Я решительно восстал против прогулки по морю. Прогулка по морю хороша, если посвятить ей месяца два, но на одну неделю это не имеет смысла.

Вы отплываете в понедельник, лелея мечту об отдыхе и развлечении. Вы весело машете рукой приятелям на берегу, закуриваете самую внушительную свою трубку и начинаете расхаживать по палубе с таким видом, будто вы капитан Кук¹, сэр Фрэнсис Дрейк² и Христофор Колумб в одном лице. Во вторник вы начинаете жалеть, что пустились в плавание. В среду, четверг и пятницу вы начинаете жалеть, что родились на свет божий. В субботу вы находите в себе силы, чтобы проглотить чашку бульона, и, сидя на палубе, отвечаете кроткой мученической улыбкой на вопросы сострадательных пассажиров о том, как вы себя чувствуете. В воскресенье вы уже способны самостоятельно передвигаться и принимать твердую пищу. А в понедельник утром, когда вы с чемоданом в руке и зонтиком под мышкой стоите у трапа, ожидая высадку, прогулка по морю вам уже решительно нравится.

Я вспоминаю, как мой шурин предпринял однажды небольшое морское путешествие для укрепления здоровья. Он взял каюту от Лондона до Ливерпуля и обратно; но, добравшись до Ливерпуля, он был озабочен только тем, кому бы сплавить обратный билет.

Говорят, он предлагал его каждому встречному и поперечному с неслыханной скидкой; в конце концов билет был пристроен за восемнадцать пенсов некоему худосочному юнцу, которому врач прописал морской воздух и моцион.

— Морской воздух! — воскликнул мой шурин, с нежностью вкладывая билет ему в руку. — Ого, да вы будете им сыты по горло на всю жизнь. А что касается моциона, то, сидя на палубе ко-

¹ *Джеймс Кук* (1728–1779) — знаменитый английский мореплаватель, совершивший три кругосветных путешествия и сделавший много географических открытий.

² *Фрэнсис Дрейк* (1540–1596) — английский мореплаватель и флотоводец; фактически командовал английским флотом в 1588 г. при разгроме испанской Непобедимой армады.

рабля, вы получите больше моциона, чем если бы ходили колесом на берегу.

Он сам — мой шурин — вернулся поездом. Он объяснил, что Северо-Западная железная дорога достаточно полезна для его здоровья.

Другой мой знакомый отправился в недельную прогулку вдоль побережья. Перед отплытием к нему подошел стюард и спросил, будет ли он расплачиваться за каждый обед отдельно или сразу оплатит стол за все дни.

Стюард посоветовал второй способ, как более выгодный. Он сказал, что питание на всю неделю обойдется в два фунта пять шиллингов. Он сказал, что на завтрак подают рыбу и жареное мясо. Ланч бывает в час и состоит из четырех блюд. В шесть часов — обед: суп, *entrée*¹, жаркое, дичь, салат, сладкое, сыр и фрукты. И наконец, в десять часов — легкий ужин из нескольких мясных блюд.

Мой приятель решил, что эта сорокапятишиллинговая сделка ему подходит (он любитель покушать), и выложил деньги.

Ланч подали, когда судно только что отошло от Ширнесса. Мой приятель проголодался меньше, чем ожидал, и ограничился куском вареного мяса и земляникой со сливками. После ланча он довольно долго предавался размышлениям, и ему то казалось, что он уже с неделю не ел ничего другого, кроме вареного мяса, то, что он последние годы прожил на одной землянике со сливками.

Равным образом ни мясо, ни земляника со сливками не были в восторге; наоборот, им явно не хотелось оставаться там, куда они попали.

В шесть часов его позвали обедать. Он встретил приглашение без всякого энтузиазма, но воспоминания об уплаченных сорока пяти шиллингах пробудили в нем чувство долга, и он, держась за канаты и прочее, спустился по трапу. Внизу его встретило аппетитное благоухание лука и горячей ветчины, смешанное с ароматом овощей и жареной рыбы. Тут к нему подскочил стюард и спросил со сладкой улыбкой:

— Что вы пожелаете выбрать к обеду, сэр?

— Лучше помогите *мне* выбраться отсюда, — чуть слышно прошептал он.

Его поспешно вытащили на палубу, прислонили к подветренному борту и оставили в одиночестве.

¹ Закуска (*фр.*).

В продолжение следующих четырех дней он жил простой и безгрешной жизнью, питаясь сухариками и содовой водой; но к субботе он воспрянул духом и отважился на чашку слабого чая с ломтиком поджаренного хлеба. А в понедельник он уже уплетал за обе щеки куриный бульон. Он сошел на берег во вторник и с грустью смотрел, как пароход отваливает от пристани.

— Вот он и уходит! — промолвил мой приятель. — Вот он и уходит, а с ним и сорокашиллинговый запас провизии, который принадлежит мне по праву, но который мне не достался.

Он говорил, что, если бы ему добавили еще только один день, он сумел бы наверстать упущенное.

Итак, я решительно воспротивился прогулке по морю. Дело не в том, объяснил я, что мне страшно за себя. У меня никогда не было морской болезни. Но я боялся за Джорджа. Джордж сказал, что он в себе уверен и ничего бы не имел против прогулки по морю. Но он не советует Гаррису и мне даже думать об этом, так как не сомневается, что мы оба заболеем. Гаррис сказал, что лично для него всегда было загадкой, как это люди ухитряются страдать морской болезнью; что все это сплошное притворство; что он часто хотел тоже заболеть, но ему так и не удалось.

Потом он стал рассказывать нам истории о том, как он пересекал Ла-Манш в такой шторм, что пассажиров пришлось привязывать к койкам, и только два человека на борту — он сам и капитан корабля — устояли против морской болезни. Иногда теми, кто устоял против морской болезни, оказывались он сам и второй помощник, но неизменно это был он сам и кто-то другой. Если же это были не он сам плюс кто-то другой, то это был он один.

Странная вещь: людей, подверженных морской болезни, вообще не бывает... на суше. В море вы встречаете этих несчастных на каждом шагу, на пароходе их хоть отбавляй. Но на твердой земле мне еще ни разу не попадался человек, который знал бы, что значит болеть морской болезнью. Просто диву даешься: куда исчезают, сойдя на берег, те тысячи и тысячи страдальцев, которыми кишмя кишит любое судно.

Я мог бы легко объяснить эту загадку, если бы люди в большинстве своем были похожи на одного молодчика, которого я видел на пароходе, шедшем в Ярмут. Помню, мы только-только отвалили от Саутэндской пристани, как я заметил, что он с опасностью для жизни перегнулся через борт. Я поспешил ему на помощь.

— Эй! Поосторожней! — сказал я, тряся его за плечо. — Этак вы можете оказаться за бортом.

— О господи! Там хуже не будет!

Вот все, что мне удалось из него выжать. С тем мне и пришлось его оставить.

Три недели спустя я встретился с ним в Бате, в ресторане гостиницы, где он рассказывал о своих путешествиях и с жаром пространялся о своей любви к морю.

— Как я переносу качку? — воскликнул он в ответ на вопрос робкого молодого человека, смотревшего на него с восхищением. — Признаться, *однажды* меня слегка мутило. Это было у мыса Горн. Наутро судно потерпело крушение.

Я сказал:

— Простите, это не вас тошнило на Саутэндском рейде? Вы еще тогда мечтали очутиться за бортом.

— На Саутэндском рейде? — переспросил он с озадаченным видом.

— Да-да, на пути в Ярмут, в пятницу три недели тому назад.

— Ах тогда! — ответил он, просияв. — Да, вспомнил. У меня была отчаянная мигрень. И все из-за пикулей¹. Вот мерзкие были пикули! Не понимаю, как такую гадость могли подавать на приличном пароходе. А *вы* их не пробовали?

Что касается меня, то я нашел превосходное средство против морской болезни: нужно просто сохранять равновесие. Вы становитесь в центре палубы и, в соответствии с корабельной качкой, балансируете так, чтобы ваше тело все время находилось в вертикальном положении. Когда нос корабля задирается вверх, вы наклоняетесь вперед, почти касаясь лбом палубы, а когда поднимается корма, вы откидываетесь назад. Это отлично помогает час другой. Но попробуйте таким образом сохранять равновесие целую неделю!

Джордж сказал:

— Давайте махнем на лодке вверх по реке.

Он сказал, что нам будут обеспечены свежий воздух, физический труд и душевный покой; непрерывная смена пейзажей займет наш ум (включая и то, что известно под этим именем у Гарри-са); а здоровая усталость будет содействовать возбуждению аппетита и улучшит сон.

---

¹ *Пикули* — разные овощи, маринованные с пряностями; употребляются как приправа к мясным и рыбным блюдам.

Гаррис сказал, что Джорджу едва ли следует предпринимать что-либо для улучшения сна, — это опасно. Он сказал, что, поскольку в сутках всего двадцать четыре часа как зимой, так и летом, он не представляет себе, каким образом Джордж собирается спать больше, чем в настоящее время; он высказал мнение, что, если Джордж решил спать больше, он мог бы с тем же успехом почить навеки, чтобы не тратиться по крайней мере на стол и квартиру.

Гаррис добавил, что тем не менее предложение относительно реки «попадает в точку». Я не совсем понимаю, почему «в точку» (разве только речь идет о том, чтобы отдать в точку несколько тупые остроты Гарриса), но, видимо, это выражение имеет одобренный смысл.

Я подтвердил, что река «попадает в точку», и мы с Гаррисом согласились, что Джорджу пришла в голову удачная мысль. Мы это высказали тоном, в котором сквозило некоторое удивление, что Джордж оказался столь сообразительным.

Единственный, кто не пришел в восторг от такого предложения, был Монморанси. Лично его река никогда не прельщала.

— Для вас, ребята, все это превосходно, — сказал он, — вам эта штука по душе, а *мне* — нет. Мне там нечего делать. Я не любитель пейзажей и не курю. Если я замечу крысу, то вы из-за меня не станете причаливать к берегу; а если я задремлю, вы еще, чего доброго, натворите глупостей и вывалите меня за борт. С моей точки зрения — это идиотская затея.

Однако нас было трое против одного, и большинством голосов предложение было принято.

ГЛАВА II

Обсуждение плана. — Прелесть ночевки под открытым небом в хорошую погоду. — То же — в плохую. — Мы приходим к компромиссу. — Монморанси, его первые шаги и мои впечатления. — Возникает опасение, не слишком ли он хорош для сего мира? — Опасение рассеивается как лишнее оснований. — Заседание откладывается

Мы разложили карту и начали обсуждать план дальнейших действий.

Было решено, что мы отплывем в ближайшую субботу из Кингстона¹. Гаррис и я выедем туда утром и поднимемся в лодке до

¹ *Кингстон* — городок, расположенный несколько выше Лондона по течению Темзы; в настоящее время входит в состав Большого Лондона.

Чертси, где к нам присоединится Джордж, которого служебные обязанности удерживали в Сити¹ до середины дня (Джордж спит в каком-то банке с десяти до четырех каждый день, кроме субботы, когда его будят и выставляют за дверь уже в два часа).

Но где мы будем ночевать: под открытым небом или в гостиницах?

Джордж и я стояли за ночевки на воздухе. Это так первобытно, говорили мы, так привольно, так патриархально!

В недрах грустных, остывающих облаков медленно тают золотые воспоминания об умершем солнце. Уже не слышно щебетанья птичек: они примолкли, словно огорченные дети. И только жалобный зов куропатки да скрипучий крик коростеля нарушают благоговейную тишину над лоном вод, где, чуть слышно вздохнув, почитает день.

Преследуя отступающие блики света, призрачное воинство Ночи — темные тени — безмолвно надвигается с берегов реки, из подернутых вечерним туманом лесов; незримой поступью движется оно по прибрежной осоке, пробирается сквозь заросли камыша. И над погружающимся во мглу миром простирает черные крылья Ночь, восходящая на мрачный трон в озаренном мерцанием бледных звезд призрачном своем дворце, откуда она правит миром.

И тогда мы причаливаем нашу лодку в какой-нибудь тихой заводи, и вот уже поставлена палатка, а скромный ужин приготовлен и съеден. Набиты и закурены длинные трубки, и идет вполголоса дружеская беседа; а когда она прерывается, река плещется вокруг лодки и нашептывает нам свои старые-старые сказки, и выбалтывает нам свои удивительные тайны, и тихонько мурлычет свою извечную детскую песенку, которую поет уже много тысяч лет и будет петь еще много тысяч лет, прежде чем ее голос сделается грубым и хриплым, — песенку, которая нам, научившимся любить изменчивый лик реки, нежно и доверчиво прильнувшим к ее мягкой груди, кажется такой понятной, хотя мы и не смогли бы словами пересказать то, что слышим.

И мы сидим над рекой, а месяц, любящий ее не меньше, чем мы, склоняется к ней с нежным лобзанием и заключает ее в свои серебристые объятия. И мы смотрим, как струятся неумолчные воды, несущиеся навстречу своему повелителю-океану, — смотрим до тех пор, пока не замирает наша болтовня, не гаснут трубки, пока мы, в общем довольно заурядные и прозаические молодые лю-

¹ *Siti* — деловой центр Лондона.

ди, не погружаемся в печальные и в то же время отрадные думы, которым не нужны слова, — пока, неожиданно рассмеявшись, мы не встаем, чтобы выколотить трубки, пожелать друг другу доброй ночи, и не засыпаем под безмолвными звездами, убаюканные плеском волн и шелестом листвы. И нам снится, что земля стала снова юной-юной и нежной, какой она была до того, как столетия забот и страданий избороздили морщинами ее ясное чело, а грехи и безрассудства ее сынов состарили любящее сердце; нежной, как и в те далекие дни, когда она, молодая мать, баюкала нас, своих детей, на могучей груди, когда дешевые побрякушки цивилизации не вырвали еще нас из ее объятий, когда человечество еще не было отравлено ядом насмешливого скептицизма и не стыдилось простоты своей жизни, простоты и величия обители своей — матери-земли.

Гаррис сказал:

— А что, если пойдет дождь?

Вам никогда не удастся оторвать Гарриса от прозы жизни. В нем нет никакого порыва, нет безотчетного томления по недостижимому идеалу. Гаррис не способен «плакать, сам не зная о чем». Если на глазах Гарриса слезы, вы можете смело биться об заклад, что он только что наелся сырого луку или чересчур жирно намазал горчицей отбивную котлету.

Окажитесь как-нибудь ночью вдвоем с Гаррисом на берегу моря и воскликните:

— Чу! Слышишь? Не пение ли русалок звучит среди гула вздымающихся валов? Или то печальные духи поют погребальную песнь над бледными утопленниками, покоящимися в гуще водорослей?

И Гаррис возьмет вас под руку и ответит:

— Я знаю, что это такое, старина: тебя где-то продуло. Пойдем-ка, тут есть одно местечко за углом. Там тебе дадут глоток такого славного шотландского виски, какого ты отродясь не пробовал, — и все будет в порядке.

Гаррис всегда знает одно местечко за углом, где вы можете получить нечто исключительное по части выпивки. Я убежден, что если вы повстречаетесь с Гаррисом в раю (допустим, что это возможно), то он немедленно обратится к вам с нижеследующим приветствием:

— Чертовски рад, что и ты здесь, старина! Я нашел тут за углом одно местечко, где можно хлебнуть стаканчик-другой первоклассного нектара.

Тем не менее надо отдать ему справедливость, что в данном случае, то есть по отношению к идее ночлега под открытым небом, его практическое замечание было вполне уместно. Ночевать под открытым небом в дождливую погоду не так уж приятно.

Наступает вечер. Вы промокли насквозь, в лодке воды по щиколотку, и все ваши вещи отсырели. Вы облюбовали на берегу клочок, где поменьше луж, причалили, выволокли палатку из лодки, и двое из вас начинают ее устанавливать. Она намочла и стала тяжелой; ее полы хлопают по ветру, и она валится на вас и облепляет вам голову, и вы сатанеете. А дождь все льет да льет. Не так-то просто установить палатку даже в хорошую погоду; в дождь этот труд по плечу разве лишь Геркулесу.

Без сомнения, ваш товарищ, вместо того чтобы помогать вам, попросту валяет дурака. Только-только вам удалось закрепить свой край палатки, как он дергает с другой стороны, и все ваши старания идут насмарку.

— Эй! Что ты там делаешь? — окликаете вы его.

— А ты что делаешь? — кричит он в ответ. — Не можешь отпустить, что ли?

— Не тяни, осел! Ты же все своротил! — орете вы.

— Ничего я не своротил! — вопит он. — Отпусти свой край!

— А я тебе говорю, что ты все своротил! — рычите вы, мечтая добраться до него; и вы дергаете веревку с такой силой, что вылетают все вбитые им колышки.

— Ах, проклятый идиот! — бормочет он себе под нос; за этим следует свирепый рывок — и ваш край срывается ко всем чертям.

Вы бросаете молоток и направляетесь к партнеру, чтобы высказать ему все, что вы думаете, а он направляется к вам с другой стороны, чтобы изложить вам свои взгляды. И вы гоняетесь друг за другом вокруг палатки, изрыгая проклятия, пока все сооружение не рухнет наземь бесформенной грудой и не дает вам возможность увидеть друг друга поверх руин; и вы с негодованием восклицаете в один голос:

— Ну вот! Что я тебе говорил!

Тем временем третий, который вычерпывает воду из лодки, наливая ее главным образом себе в рукава, и чертыхается про себя без передышки в течение последних десяти минут, осведомляется, какого-растакого дьявола вы там канителитесь и почему, черт побери, треклятая палатка еще не поставлена.

В конце концов палатка кое-как установлена, и вы втаскиваете в нее пожитки. Поскольку бесполезно пытаться развести костер, вы зажигаете спиртовку и теснитесь вокруг нее.

Основным блюдом вашего ужина является дождевая вода. Хлеб состоит из нее на две трети, мясной пирог насыщен ею до отказа; что же касается варенья, масла, соли и кофе, то они, перемешавшись с дождевой водой, очевидно, вознамерились создать какой-то невиданный суп.

После ужина вы убеждаетесь, что табак отсырел и раскурить трубку невозможно. К счастью, вы захватили с собой бутылку снадобья, изрядная доза которого, поднимая бодрость духа и тумана рассудок, придает земному существованию достаточную привлекательность, чтобы заставить вас лечь спать.

Потом вам снится, что вам на грудь уселся слон и что началось извержение вулкана, которое сбросило вас на морское дно, — причем, однако, слон продолжает мирно покоиться на вашей груди. Вы просыпаетесь и понимаете, что действительно произошло нечто ужасное. Сначала вам кажется, будто наступил конец света; но тут же вы соображаете, что это невозможно и, стало быть, это грабители и убийцы или, в лучшем случае, пожар. Результаты своего умозаключения вы доводите до всеобщего сведения обычным в таких случаях способом. Однако никто не приходит на помощь, и вам ясно только одно: вас топчет многотысячная толпа и из вас вышибают дух.

Кажется, кому-то еще, кроме вас, приходится туго: из-под вашей постели доносятся сдавленные стоны. Решив, что бы там ни было, дорого продать свою жизнь, вы бросаетесь очертя голову в схватку, нанося без разбора удары ногами и руками и издавая неистовые вопли; и в конце концов что-то подается, и вы чувствуете, что ваша голова находится на свежем воздухе. Вы различаете в двух шагах от себя полураздетого бандита, который подстергает вас, чтобы убить, и вы готовы к борьбе не на жизнь, а на смерть; и вдруг вас осеняет, что это Джим.

— Как, это ты? — говорит он, тоже внезапно узнавая вас.

— Да, — отвечаете вы, протирая глаза, — что тут творится?

— Кажется, чертова палатка свалилась, — говорит он. — А где Билл?

Тут вы оба принимаетесь аукать и кричать: «Билл!» — и почва под вами начинает колебаться, собираться в складки, и полуздушенный, но знакомый голос отвечает откуда-то из развалин:

— Эй, вы, слезете вы когда-нибудь с моей головы?

И наружу выкарабкивается Билл — покрытый грязью, затоптанный обломок кораблекрушения. Он почему-то очень зол: очевидно, он считает, что все было подстроено.

Утром выясняется, что вы все трое без голоса, так как за ночь зверски простудились; кроме того, вы очень раздражительны и в продолжение всего завтрака переругиваетесь хриплым шепотом.

В конце концов мы решили, что в ясные ночи будем спать под открытым небом, а в плохую погоду или когда нам захочется разнообразия будем, как порядочные люди, останавливаться в отелях, в гостиницах и на постоялых дворах.

Монморанси безоговорочно одобрил такой компромисс. Романтическое одиночество не его стихия. Ему подайте что-нибудь этакое, с шумом; и если это даже чуточку в дурном вкусе, то тем веселее.

Посмотреть на Монморанси, так он просто ангел во плоти, по каким-то причинам, оставшимся тайной для человечества, принявший образ маленького фокстерьера. Он всегда сохраняет выражение «ах-как-плох-сей-мир-и-как-я-хотел-бы-сделать-его-лучше-и-благоднее», которое вызывает слезы у благочестивых старухи леди и джентльменов.

Когда он впервые перешел на мое иждивение, я и не надеялся, что мне выпадет счастье долго наслаждаться его обществом. Бывало, я сидел в кресле и смотрел на него, а он сидел на коврике и смотрел на меня, и в голове у меня была одна мысль: «Этот щенок не жилец на белом свете. Он будет вознесен на небеса в сияющей колеснице. Этого не миновать».

Но после того как мне пришлось уплатить за десятка два умерщвленных им цыплят; после того как мне привелось его, рычащего и брыкающегося, сто четырнадцать раз вытаскивать за загравок из уличных драк; после того как некая разъяренная особа женского пола принесла мне на освидетельствование задушенную кошку, заклеив меня именем убийцы; после того как сосед подал на меня в суд за то, что я не держу на привязи свирепого пса, из-за которого однажды морозным вечером он целых два часа просидел в холодном сарае, не смея оттуда высунуть носа; после того как я узнал, что мой же садовник, тайком от меня, выиграл пари в тридцать шиллингов, поспорив о том, сколько крыс моя собака задавит в определенный срок, — я начал думать, что, может быть, все-таки ее вознесение на небеса несколько задержится.

Околачиваться возле конюшен, собирать вокруг себя шайку собак, пользующихся самой дурной славой, и водить их за собой по всяким трущобам, чтобы затевать бои с другими собаками, имеющими не менее сомнительную репутацию, — это, по мнению Монморанси, и называется «жить по-настоящему»; а потому, как я уже выше заметил, предложение о гостиницах и постоянных дворах он поддержал с жаром.

Таким образом, вопрос о ночлеге был разрешен к полному удовольствию всех четверых; оставалось обсудить лишь одно — что мы возьмем с собой. Но только мы начали толковать об этом, как Гаррис заявил, что на сегодня с него хватит прений, и предложил выйти на улицу и опрокинуть стаканчик; он сказал, что знает одно местечко за углом, где мы раздобудем по глотку неплохого ирландского.

Джордж сказал, что его мучит жажда (я не помню, чтобы она хоть когда-нибудь не мучила Джорджа); и так как у меня появилось смутное предчувствие, что капля-другая подогретого виски с ломтиком лимона может оказаться полезной при моем болезненном состоянии, продолжение дискуссии было по общему согласию перенесено на следующий вечер. Мы надели шляпы и вышли на улицу.

ГЛАВА III

Организационные вопросы. — Метод работы Гарриса. — Как почтенный отец семейства вешает картину. — Джордж делает мудрое замечание. — Прелести утреннего купания. — Запасы на случай, если лодка перевернется

Итак, мы собрались опять на следующий вечер, чтобы окончательно обсудить наши планы.

Гаррис сказал:

— Прежде всего мы должны договориться о том, что брать с собой. Джей¹, возьми-ка лист бумаги и записывай; ты, Джордж, раздобудь преискурант продуктовой лавки, и пусть кто-нибудь даст мне карандаш — я составлю список.

В этом — весь Гаррис: он охотно берет самое тяжелое бремя и безропотно взваливает его на чужие плечи.

---

¹ *Джей* — английское произношение буквы J, с которой начинается имя Джером; такого рода сокращения имен приняты при дружеском обращении в Англии и других англоязычных странах.

Он всегда приводит мне на память моего бедного дядюшку Поджера. Ручаюсь, что вы в жизни не видавали такой кутерьмы, какая поднималась в доме, когда дядя Поджер брался сделать что-нибудь по хозяйству. Привозят, например, от столяра картину в новой раме и, пока ее не повесили, прислоняют к стене в столовой; тетушка Поджер спрашивает, что с ней делать, и дядюшка Поджер говорит:

— Ну, это уж предоставьте *мне!* Пусть никто, слышите, никто об этом не беспокоится. Я все сделаю сам!

Тут он снимает пиджак и принимается за работу.

Он посылает горничную купить на шесть пенсов гвоздей и за нею следом — одного из мальчиков, чтобы передать ей, какого размера должны быть гвозди. С этого момента он берется за дело всерьез и не успокаивается, пока не ставит на ноги весь дом.

— Ну-ка, Уилл, разыщи молоток! — кричит он. — Том, тащи линейку! Дайте-ка сюда стремянку, а лучше всего заодно и стул. Эй, Джим! Сбегай к мистеру Гоглзу и скажи ему: папа, мол, вам кланяется и спрашивает, как ваша нога, и просит вас одолжить ему ватерпас. А ты, Мария, никуда не уходи: надо, чтобы кто-нибудь мне посветил. Когда вернется горничная, пусть она снова сбегает и купит моток шнура. А Том, — где же Том? — иди-ка сюда, Том, ты подашь мне картину.

Тут он поднимает картину и роняет ее, и она вылетает из рамы, и он пытается спасти стекло, порезав при этом руку, и начинает метаться по комнате в поисках своего носового платка. Носового платка найти он не может, потому что носовой платок — в кармане пиджака, а куда девался пиджак, он не помнит; и все домашние должны оставить поиски инструментов и приняться за поиски пиджака, в то время как сам герой пляшет по комнате и путается у всех под ногами.

— Неужели никто во всем доме не знает, где мой пиджак? Честное слово, в жизни не встречал такого сборища ротозеев! Вас тут шестеро — и вы не можете найти пиджак, который я снял всего пять минут назад! Ну и ну!

Тут он встает со стула, замечает, что сидел на пиджаке, и провозглашает:

— Ладно, хватит вам суетиться! Я сам его нашел. Нечего было и связываться с вами, я с тем же успехом мог бы поручить поиски нашему коту.

Но вот через каких-нибудь полчаса перевязан палец, добыто новое стекло, принесены инструменты, и стремянка, и стул, и све-

чи — и дядюшка снова принимается за дело, между тем как все семейство, включая горничную и поденщицу, выстраивается полукругом, готовое броситься на помощь. Двоим поручается держать стул, третий помогает дяде влезть и поддерживает его, четвертый подает ему гвозди, а пятый протягивает ему молоток, и дядя берет гвоздь и роняет его.

— Ну вот! — говорит он оскорбленным тоном. — Теперь потерялся гвоздь.

И всем нам не остается ничего другого, как опуститься на колени и ползать в поисках гвоздя, в то время как дядя Поджер стоит на стуле и ворчит и язвительно осведомляется, не собираемся ли мы продрожать его так до поздней ночи.

Наконец гвоздь найден, но тут оказывается, что исчез молоток.

— Где молоток? Куда я подевал молоток? Господи боже мой! Семеро олухов глазают по сторонам, и никто не видел, куда я дел молоток!

Мы находим молоток, но тут оказывается, что дядя потерял отметку, сделанную на стене в том месте, куда надо вбить гвоздь; и мы по очереди должны взбираться к нему на стул, чтобы помочь найти отметку. Каждый находит ее в другом месте, и дядюшка Поджер обзывает нас всех по очереди болванами и сгоняет со стула. Он берет линейку и начинает все измерять заново, и оказывается, что ему нужно разделить расстояние в тридцать один и три восьмых дюйма пополам, и он пытается делить в уме, и у него заходит ум за разум.

И каждый из нас пытается делить в уме, и у всех получаются разные ответы, и мы издеваемся друг над другом. И в перебранке мы забываем делимое, и дядюшке Поджеру приходится мерить снова.

Теперь он пытается это сделать с помощью шнура, и в самый ответственный момент, когда этот старый дурень наклоняется под углом в сорок пять градусов к плоскости стула, пытаясь дотянуться до точки, расположенной ровно на три дюйма дальше, чем та, до какой он может дотянуться, шнур соскальзывает и он обрушивается на фортепиано, причем внезапно, с которой его голова и все тело в одно и то же мгновение соприкасаются с клавиатурой, производит неповторимый музыкальный эффект.

И тетушка Мария говорит, что она не может допустить, чтобы дети оставались тут и слушали такие выражения.

Но вот дядюшка Поджер делает наконец нужную отметку и левой рукой наставляет на нее гвоздь и берет молоток в правую ру-

ку. И первым ударом он расшибает себе большой палец и с воплем роняет молоток кому-то на ногу.

Тетушка Мария кротко выражает надежду, что в следующий раз, когда дядя Поджер надумает вбивать гвоздь в стену, он предупредит ее заблаговременно, чтобы она могла уложиться и съездить на недельку, пока это происходит, в гости к своей матери.

— Уж эти женщины! Они вечно поднимают шум из-за ерунды! — отвечает дядюшка Поджер, с трудом поднимаясь на ноги. — А мне вот по душе такие дела. Приятно изредка поработать руками.

И тут он делает новую попытку, и при втором ударе весь гвоздь и половина молотка в придачу уходят в штукатурку, и дядю Поджера по инерции бросает к стене с такой силой, что его нос чуть не превращается в лепешку.

А нам приходится снова искать линейку и веревку, и на стене появляется новая дыра; и к полуночи картина водружена на место (правда, очень криво и ненадежно), и стена на несколько ярдов вокруг выглядит так, будто по ней палили картечью, и все в доме издерганы и валяются с ног... все, кроме дядюшки Поджера.

— Ну вот и все! — говорит он, грузно спрыгивая со стула прямо на мозоль поденщицы и с гордостью взирая на произведенный им разгром. — Ну вот! А другой на моем месте еще вздумал бы кого-нибудь нанимать для такого пустяка.

Когда Гаррис достигнет почтенного возраста, он будет точь-в-точь как дядюшка Поджер, я так ему и сказал. Я добавил, что не допущу, чтобы он взваливал на себя так много работы.

Я сказал:

— Нет, уж лучше *ты* раздобудь бумагу, карандаш и прейскурант, и пусть Джордж записывает, а я буду все делать.

Первый вариант составленного нами списка пришлось забраковать. Несомненно, Темза в своем верхнем течении недостаточно судходна, и по ней не сможет подняться судно, которое вместит все, что мы сочли необходимым взять с собой в путешествие. Мы разорвали список и озадаченно посмотрели друг на друга.

Джордж сказал:

— Так ничего не выйдет. Нужно думать не о том, что нам может пригодиться, а только о том, без чего мы не сможем обойтись.

Джорджу иногда приходят в голову дельные мысли. Просто удивительно! Эта его мысль, несомненно, была мудрой — причем

СОДЕРЖАНИЕ

ТРОЕ В ЛОДКЕ, НЕ СЧИТАЯ СОБАКИ <i>Перевод М. Донского, Э. Линецкой</i>	5
ЗАМЕТКИ К НЕНАПИСАННОМУ РОМАНУ <i>Перевод А. Глебовской</i>	181
ТРОЕ НА ЧЕТЫРЕХ КОЛЕСАХ <i>Перевод А. Ливерганта</i>	355
ТОММИ И К ^о <i>Перевод О. Кириченко</i>	517
ОНИ И Я <i>Перевод В. Агаянц</i>	679

Джером К. Джером

Д 40 Трое в лодке, не считая собаки ; Заметки к ненаписанному роману ; Трое на четырех колесах : романы / Джером Клапка Джером ; пер с англ. В. Агаянц, А. Глебовской, М. Донского и др. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2022. — 864 с. — (Иностранная литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-20761-5

Летом 1888 года английский писатель Джером К. Джером, только что вступивший в законный брак, провел медовый месяц на Темзе. Из путевых впечатлений и воспоминаний этой счастливой поры родилась идея одной из самых смешных книг в мировой литературе. Приключения незадачливых, добродушных англичан, путешествующих по Темзе, о которых Джером написал в романе «Трое в лодке, не считая собаки» и в его продолжении «Трое на четырех колесах» (а также созданный между ними небольшой шедевр «Заметки к ненаписанному роману», в котором узнаются все те же незабываемые герои), стали хорошо известны даже в самых отдаленных уголках планеты. С неизменной любовью читатели относятся к произведениям Джерома и в России, где его замечательный талант оценили едва ли не выше, чем на родине писателя. А благодаря блистательной экранизации романа, осуществленной в 1979 году, главные роли в которой сыграли Андрей Миронов, Александр Ширвиндт и Михаил Державин, Джером стал нам еще ближе и понятнее.

В настоящее издание вошли пять романов Джерома К. Джерома в лучших переводах («Заметки к ненаписанному роману» выходят без сокращений в новом блестящем переводе Александры Глебовской). Эти произведения — не просто идеальное лекарство от скуки и плохого настроения, но также подлинная классика на все времена!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

ДЖЕРОМ КЛАПКА ДЖЕРОМ

ТРОЕ В ЛОДКЕ, НЕ СЧИТАЯ СОБАКИ
♦
ЗАМЕТКИ К НЕНАПИСАННОМУ РОМАНУ
♦
ТРОЕ НА ЧЕТЫРЕХ КОЛЕСАХ

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Екатерины Киселевой
Корректоры Людмила Дубовая, Татьяна Бородулина

Подписано в печать 10.02.2022. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 54. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

12+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-IUN-29665-01-R